

И.И. Страхов
I.I. Strakhov

**МАЛАЯ РОДИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
М.М. ПРИШВИНА: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ**

**SMALL MOTHERLAND IN PRISHVIN'S TEXTS:
ONOMASTIC COMMENT**

В статье через призму литературной ономастики рассматривается эволюция отношения М.М. Пришвина к своей малой родине – селу Хрущеву-Левшину, Елецкому краю и русскому подstepью вообще. Приведен полный перечень топонимов малой родины писателя, вошедших в топонимическое пространство его художественного творчества. К использованию топонимов Елец, Черная слобода, Чернослободская гора, Ямская слобода, Соборная улица, Манежная улица, река Сосна дан ономастический комментарий: указано число словоупотреблений, выделены основные контексты.

Ключевые слова: *литературная ономастика, топоним, Пришвин, Елец, Липецкая область, малая родина писателя.*

This article through the prism of literary onomastics examines the evolution of M.M. Prishvin's attitude to his native land – Khrushchyovo-Levshino, Yelets region and "Russian forrest-steppe" at all. A complete list of names of the writer's birthplace included in toponymic space of his artistic creativity is given. Onomastic comment (the number of usage, the main contexts) is given to the usage of place names Yelets, Chernaya sloboda, Chernoslobodskaya gora, Yamskaya sloboda, Sobornaya ulitsa, Manezhnaya ulitsa, Sosna river.

Key words: *literary onomastics, toponym, Prishvin, Elets, Lipetsk region, writer's small motherland.*

М.М. Пришвин родился 23 января 1873 года (по старому стилю) в селе Хрущев-Левшино Соловецкой волости Елецкого уезда Орловской губернии, располагавшейся на территории современного Елецкого района Липецкой области. Там же, в родительском доме, он провел первые девять лет своей жизни, после чего был отдан на обучение в мужскую гимназию города Ельца. Мы разделяем эти два топоса (село *Хрущев* и город *Елец*), однако считаем, что оба они, включая некоторые другие места Липецкой области, где бывал писатель в детстве и юности, могут быть объединены понятием «малая родина Пришвина». В работах елецких исследователей творчества Пришвина и ученых из других городов именно Елецкая земля названа «физической родиной» писателя [2, 12].

Уточнение Н.П. Дворцовой, что Елецкий край якобы является именно «физической родиной» Пришвина, неслучайно. За всю свою творческую жизнь Пришвин, много путешествовавший и сменивший десятки мест проживания, выработал собственную концепцию «родины» и потому в течение жизни высказывался о Елецком крае по-разному. В частности, фраза Пришвина из записанного впоследствии разговора с однокашником

Н.Е. Семашко, случившегося (если это не мистификация) в 1907 г., «моя родина не в Ельце, а в Краю непуганых птиц. Я верю, что она существует, что я люблю ее» [9, 363], а также фраза «Елецкую родину и я ненавижу» [9, 363] могли трактоваться как доказательство неприятия Пришвиным Елецкого края в качестве своей родины. Стоит помнить, однако, что эти фразы были произнесены тридцатичетырехлетним писателем под недавним впечатлением от Карелии и записаны спустя еще 34 года. Важно знать контекст этой записи и контекст разговора, чтобы правильно оценить резкую фразу. Пришвин приводит в дневнике разговор с Семашко как доказательство того, что «профессия писателя определила в значительной степени и [его] поведение» [9, 363]. «...Я как только написал свою первую книгу “В краю непуганых птиц”, то я весь в этом деле и все мое поведение определяется им...» [9, 363], – такими словами предваряет писатель пересказ разговора, состоявшегося десятки лет назад.

В обширном наследии писателя можно найти и другие фразы, которые при поверхностном восприятии могут трактоваться как доказательство нелюбви писателя к Елецкому краю. Так, Пришвин не единожды и в разные периоды жизни называет своей писательской [см. 7, 205; 9, 580] и духовной [см. 6, 60; 7, 201] родиной Санкт-Петербург, противопоставляя ему «физическую» родину, находящуюся под Ельцом. Пришвин в 1934 г. называл своей родиной и Плещеево озеро [см. 8, 441], и вместе с женой Валерией Дмитриевной пытался «делать родину» [см. 10, 560] из подмосковного Дунина, хотя, вспоминая Хрущево, писал до этого, что «вторую родину сделать нельзя» [7, 479].

Перечисленные выше высказывания для Пришвина характерны и не менее ценны для нас, чем остальные, но они не дают полной картины осознания Пришвиным своей родины. Между тем, Елецкий край, безусловно, осмысливался Пришвиным как родина. Во-первых, такой вывод легко сделать из многочисленных случаев использования в дневниковых записях слова «родина» применительно к Хрущеву и Ельцу и иногда вообще к черноземному краю: «обошел родину в Хрущеве, обошел Елец, Белев» [10, 31]; «если я приеду на мою родину в Елец как знаменитость, мне покажут достижения агротехники, каких и не снилось моей матери» [10, 476], «и понял я, что “Кашеева цепь” есть песня мальчика о своей родине» [11, т. 2, 640], «весну мне нужно было провести на родине, в Орловской губернии, в маленьком имении» [11, т. 1, 389]; «в этом лесном краю на меня пахло родными черноземными полями, где нет этого здешнего беспокойного духа староверов» [11, т. 1, 418]; «и вот однажды я ехал из Москвы к себе на родину, в Елец» [11, т. 2, 470] и др. Во-вторых, Пришвин – как в некоторых дневниковых записях, так и в эпизодах автобиографических произведений – подчеркивал, что Елецкий край является его родиной и что родина эта ему очень дорога. Одной из самых трогательных записей о «настоящей родине» является запись, датированная 30 сентября 1927 г.: «...вот недавно в одном доме дали мне понюхать чабер, которого нет в северных лесах, и вдруг с необычайной силой и с болью встала передо мной моя настоящая детская родина, и тут я понял, что эта первая родина скрыта всегда во мне, что вторую свою личную родину я создал сам себе взамен детской, что радость моя в лесах происходит от боли расставания с первоначальными степями, что в лесах тайно для себя я жил чувством своей первой родины, оставался верным ей, неизменным всю жизнь и что самое главное понял я, что родина моя хороша!» [7, 479–480].

В художественном творчестве топонимия малой родины Пришвина представлена следующими группами: 1) топонимия Хрущева и окрúги (к ней мы относим ойконимы *Хрущево, Красная Пальна, Пальна, Аграмач, Дубовый Дол, Колодези, Талица (Талим)*, а также – условно – вымышленные ойконимы *Кобаевка, Шибаяевка, Косычевка*; микротопонимы *Поповка, Горелый пень, Дубровка*, хоронимы *Соловецкая волость, Елецкий уезд*); 2) топонимия города Ельца (ойконим *Елец*, урбанонимы *Черная слобода, Чернослободская гора, Ямская слобода, Соборная улица, Манежная улица*, а также гидроним *Сосна*); 3) топонимия Лебедянского и Задонского районов Липецкой области

(ойконимы *Лебедянь*, *Задонск*, ороним *Галичья горка*, гидроним *Дон* и – условно – урбаноним *Тяпкина гора*).

В данной статье мы дадим ономастический комментарий топонимам второй группы.

Ойконим **Елец** (34 словоупотребления в художественных текстах) является самым используемым Пришвиным топонимом, относящимся к его малой родине. В 24 из 34 случаев *Елец* упоминается в автобиографическом романе «Кашеева цепь». Выразительнее всего ойконим выступает в «немецких» главах романа. Во-первых, по приезду в Германию Алпатов удивляет офицер, который знает, где находится город Елец («Елец – это вблизи губернского города Орэль?» [11, т. 2, 264], – спрашивает он). Во-вторых, топоним очень выразителен в сцене торжественного приема новых студентов на философское отделение. Алпатову показалось, что «Елец» никак не сочетается с латинскими словами в речи ректора, намекающими на средневековую традицию («и вдруг в такой обстановке такие слова: *из Ельца!*») [11, т. 2, 319]), что, несмотря на схожесть с европейскими студентами, «из-за этого Ельца представляется, что он не такой, как другие, что на него все смотрят с особенным вниманием и думают: “вот они какие в Ельце”» [11, т. 2, 319]. Когда ректор вручал Алпатову пергамент, тому показалось, что тот «спросил: “Неужели же вы из Ельца?” – и что глаза ректора насмешливо уменьшились, и что сейчас последует вопрос: “Как же это вы добрались сюда из Ельца?”» [11, т. 2, 319]. В этом эпизоде ярко дана иллюстрация юношеского отношения Пришвина к своей родине.

В контексте разговора Несговорова и Алпатов в Дрезденской галерее *Елец* также противопоставляется *Дрездену* и дополняет его, как Сикстинская Мадонна дополняет жнею, «живущую в грязи под Ельцом» [11, т. 2, 390].

Елец в «Кашеевой цепи» в разных частях романа и в разных контекстах формирует несколько хронотопов: во-первых, это *Елец* Курымушки, то есть периода обучения Алпатов в гимназии, во-вторых, это *Елец* Алпатов – туда он попадает после дальнейшего обучения; в-третьих, это *Елец* автора-героя – Елец 1917–1920 гг., последних елецких лет Пришвина. Кроме того, существует *Елец* предков Алпатов – елецких купцов. Таким образом в «Кашеевой цепи» *Елец* служит объединяющим топосом. Более того, Пришвин неоднократно называет *Елец* своим родным городом.

Елец появляется и в более поздних произведениях Пришвина, но всегда – в автобиографическом контексте. В автобиографическом рассказе «Охота за счастьем» Пришвин пишет о своем первом ружье, которое он взял «в руки, будучи учеником первого класса Елецкой гимназии» [11, т. 3, 12], а также, как и в одной из поздних глав «Кашеевой цепи», в работе «Мои тетрадки» пишет о набеге генерала Мамантова: «полководец опустошил город Елец своими казаками и киргизами, как в старые времена он не раз был опустошаем татарами» [11, т. 3, 21]. О Ельце Пришвин писал в рассказах «Загадка» и «Печальный черт», в миниатюре «Недоступность».

Елецкая урбанистика представлена у Пришвина именами двух слобод, *Черной* и *Ямской*, и тремя названиями улиц: *Чернослободская гора*, *Манежная улица*, *Соборная улица*.

Топонимы **Черная слобода** (1) и **Чернослободская гора** (3) связаны с расположенным в северной части современного города Ельца районом *Черная слобода*, бывшим некогда обширным городским предместьем, через которое проходила дорога на Москву. Происхождение топонима связывается с тем, что слобода эта была населена «податными» – мещанами и крестьянами всех видов [4, 69]. *Чернослободская гора* в «Кашеевой цепи» становится неким пограничьем между оставляющим Курымушку пространством Хрущева и пространством гимназического Ельца. Впервые приезжая в Елец, Курымушка в повозке спускается по *Чернослободской горе*: «в Черной слободе все подводы будто провалились: это они спустились тихо под крутую гору до Сергия» [11, 58], а потом дважды из окон своего нового дома провожает глазами уезжающую в Хрущево мать, которая по дороге в имение по *Чернослободской горе* поднимается. Первый раз в день, когда он впервые остается один в Ельце («Из окна своей комнаты у доброй немки

Вильгельмины Шмоль Курымушка видел, как гнедой Сокол долго поднимал мать на Чернослободскую гору и у кладбищенской березовой рощи, где выходит непременно старичок с колокольчиком, мать скрылась» [11, т. 2, 61]) и думает о том, что мама никогда не вернется прежней; второй раз – когда его предчувствия сбылись и мать, расстроенная неудовлетворительной учебой сына, уехала («Сразу она стала будто чужая, так и уехала будто чужая. Сухими глазами провожал ее из окна Курымушка на Чернослободскую гору, предчувствие тогда не обмануло его, маму он теперь совсем потерял» [11, т. 2, 65]). Так реальный елецкий топоним и реальное место обретают в романе символический смысл. Согласно архивным данным, гимназист Пришвин проживал в доме на Успенской улице, где располагалась аптека Лютена – ныне адрес этого дома таков: улица Советская, дом 133. Считается, что отсюда и сейчас открывается именно такой вид на Чернослободскую гору, как описал его Пришвин.

Ямская слобода (2) связана с домом Ефима Несговорова, прототипом которого стал друг Пришвина Н.Е. Семашко. Дом Ефима расположен «в Ямской слободе, на берегу реки» [11, т. 2, 194]. Из текста «Кашеевой цепи» ясно, что *Ямская слобода* была не самым благополучным и не самым уютным местом. Ефим так говорит о *Ямской слободе*: «я не уверен, что сейчас в нас не полетит камень. Они называются мещане, но по существу своему это люмпен-пролетариат. Тут в каждой лачуге злоба шипит. У нас тут всего только два-три человека сознательных <...> у нас тут, в Ямской слободе, мало коров, хорошо еще, если кто козу имеет, да и ту мальчишки камнями забивают, тут, я тебе скажу, такая музыка...» [11, т. 2, 196–197]. В Ямской слободе легко заблудиться: «где был этот дом, деревянный, покошенный и в два этажа, он никак не мог вспомнить, а путаница переулков все увеличивалась. Это была каша лачуг, серых заборов, завалинок, лавочек, а иногда вдруг ни с того ни с сего, как видение, показывалась и радовала цветущая яблоня» [11, т. 2, 194], и именно в эти места помещает Пришвин героиню одноименной пьесы для чтения, написанной за несколько лет до начала работы над «Кашеевой цепью», *Чертову Ступу*, кашель которой слышит за забором Алпатов.

Урбаноним **Соборная улица** появляется в «Кашеевой цепи» не как топоним, а как имя нарицательное с отыменным прилагательным. Между тем, улица *Соборная* (ныне *Октябрьская*) существовала в Ельце и соответствовала именно той «соборной улице», на которой стоял дом тетушки Калисы Никаноровны, где шел разговор о поступлении Курымушки в гимназию.

После изгнания из Хрущева в 1918 г. Пришвин несколько раз менял свой елецкий адрес, жил он и в доме на Соборной улице, топоним упомянут в очерке «Мои тетрадки»: «весь этот разговор был на Манежной улице, а тетрадки мои хранились на Соборной, и эти тетрадки и навели меня на удачный ответ. <...> Казаки повременили, а я, схватив тетрадки на Соборной улице, пустился наутек и пробыл в засаде, пока им стало не до меня» [11, т. 5, 260].

Манежная улица (3), называемая теперь *улицей Ленина*, упоминается Пришвиным в трех рассказах: «Мои тетрадки», «Загадка» и «Печальный черт». Цитата из первого приведена в предыдущем абзаце: на *Манежной* Пришвин разговаривал с пожелавшими спасти его казаками во время нашествия Мамантова. В «Загадке» Пришвин говорит о доме братьев Горшковых (родственников по линии бабушки со стороны отца), который находился на *Манежной улице*, прибавляя: «не знаю, как она теперь называется» [11, т. 5, 292]. В рассказе «Печальный черт» Пришвин описывает впечатление гимназических лет – учитель физики показывал из чердачного окошка мужской гимназии «электрическое солнце», и тогда «все глаза несметной толпы со стороны Манежной улицы были устремлены в это отверстие» [11, т. 5, 411]. Гимназия действительно находилась между улицами Успенской (Советской) и Манежной (Ленина), но парадный вход был именно с улицы Манежной [3, 174].

В елецкий текст произведений Пришвина также вписан гидроним **Сосна** (5), имя реки, протекающей в Ельце. Оно связано с одним из знаковых эпизодов «Кашеевой цепи»

и жизни Пришвина – «побегом» гимназистов в Азию. Маршрут, проложенный Курьмушкой в Азию, повторяется в книге с небольшими изменениями трижды: «по реке быстрой Сосне в [тихий] Дон, [из Дона – в Азовское море,] в Черное море, [и потом уже и начнется / а там прямо и будет] Малая Азия» [11, т. 2, 69, 71, 75]. Интересно, что адъективная часть гидронима (*Быстрая*), становится у Пришвина эпитетом и, таким образом, противопоставляется другому эпитету (*тихий*), характеризующему Дон. Исследователями отмечается, что в древних документах употребляется как вариант *Быстрая Сосна*, так и вариант *Сосна* [1]. Место, откуда гимназисты начали свое вскоре прерванное путешествие, определено: это устье Ельчика, впадающего в границах города в реку Сосну [5, 111].

Приведенные в статье данные, основанные на анализе контекстов употребления некоторых топонимов, связанных с родными для Пришвина местами, подтверждают особое отношение Пришвина к пространству своей малой родины – селу Хрущеву, городу Ельцу и его окрестностям – и их особую роль в создании автобиографических текстов.

В завершение статьи хочется упомянуть факт, красноречиво говорящий о трепетном отношении Пришвина к малой родине: в последнем доме Пришвина, в Дунине, висела картина пера М.Г. Игнатовой, двоюродной сестры писателя, изображавшая вид с веранды хрущевского дома. Последняя весна писателя была озарена, в том числе благодаря этой картине, светлыми воспоминаниями из детства. «...Лежу и днями смотрю на картинку Хрущева, и все не нагляжусь, и кажется, так много в ней чего-то, и мое духовное питание этой картинкой никогда не кончится» [11, т. 8, 636], – записал он в дневнике 21 апреля 1953 года.

1. Взгляд на имя реки Елецкой // *Время вернуться домой*. URL: http://letopisi.org/index.php/Взгляд_на_имя_реки_елецкой (дата обращения: 22.05.2015). Загл. с экрана.
2. Дворцова Н.П. *Между Европой и Азией: сибирское путешествие Михаила Пришвина // Город как культурное пространство: Материалы региональной научной конференции. Тюмень, 2003. С. 8–18.*
3. Климova Г.П. *Пришвинский Елец // Елецкая быль. Краеведческий сборник. Вып. 1. Липецк, 1994.*
4. Краснова Т.В. *Древнерусская топонимия Елецкой земли. Елец, 2004.*
5. Курбатов В.Я. *Михаил Пришвин: Очерк творчества. М., 1986.*
6. Пришвин М.М. *Дневники. 1918–1919. М., 1994.*
7. Пришвин М.М. *Дневники. 1926–1927. М., 2003.*
8. Пришвин М.М. *Дневники. 1932–1935. СПб., 2009.*
9. Пришвин М.М. *Дневники. 1940–1941. М., 2012.*
10. Пришвин М.М. *Дневники. 1946–1947. М., 2013.*
11. Пришвин М.М. *Собр. соч.: В 8 т. М., 1982–1986.*
12. Страхов И.И. *Хрущевский пласт топонимического пространства творчества М.М. Пришвина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 184–187.*